

Островских И.Н., канд. филол. наук, доцент кафедры литературы

Алтайский государственный педагогический университет

г. Барнаул

Федюкина А.Е., студентка 4 курса кафедры истории русской литературы филологического факультета СПбГУ

Санкт-Петербургский государственный университет

г. Санкт-Петербург

КУЛЬТУРНЫЙ КОД И СЕМАНТИКА ИМЕНИ В РУССКОЙ СЕНТИМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ XVIII ВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается проблема поэтики имени собственного в русской сентиментальной повести XVIII в. (его культурного кода и семантического значения); карамзинской традиции именованья персонажей; эпигонам Н. М. Карамзина и продолжателям его традиции.

Ключевые слова: сентиментальная повесть, семантика имени собственного, культурный код имени, поэтика имени.

I.N. Ostrovskikh,

A.E. Fedjukina

CULTURAL CODE AND SEMANTICS OF THE NAME IN THE RUSSIAN SENTIMENTAL STORY OF THE 18TH CENTURY

Abstract. The article is devoted to the problem of the poetics of one's own name in the Russian sentimental story of the XVIII century (it's cultural code and semantics); the Karamzin tradition of naming character; the epigones of N. M. Karamzin and the continuers of his tradition.

Key words: sentimental story, semantics of the proper name, cultural code of the name, poetics of the name.

Н. Карамзин стал не только «обновителем» литературного языка и художественного стиля, но и задал моду на определенный тип сюжета и героя в русской литературе. После выхода в 1792 году «Бедной Лизы» Н.М. Карамзина появилось множество подражателей писателя в литературных журналах, как отмечал В.Н. Топоров: «В 1792 г. в июньском номере (часть VI) «Московского журнала» появились два сочинения, успех которых у читателей для XVIII века был исключительным, – «Сизый голубочек» Дмитриева <...> и «Бедная Лиза» [9, с. 88].

Имена собственные в литературе после Карамзина функционируют как разновидность особого типа интертекстуальной отсылки, задающей определенный «культурный код» имени (оно начинает быть своего рода культурным маркером, выходит за рамки простого именованья, чисто номинативной функции). Таким образом, в конце XVIII – начале XIX века многие писатели ориентировались на карамзинскую повесть, мечтая повторить успех «Бедной Лизы». Примерами являются «Бедная Маша» А. Измайлова, «История бедной Марьи» Н. Брусилова, «Обольщенная Генриетта» И. Свечинского, «Даша, деревенская девушка» П. Львова, «Несчастливая Маргарита» неизвестного автора, «Прекрасная Татьяна» В. Измайлова и другие. Эти произведения имеют общую с «Бедной Лизой» сюжетную канву и даже на уровне заглавий они обнаруживают сходство с повестью Н.М. Карамзина (словосочетание структуры «прилагательное + существительное», где существительное – женское имя, а прилагательное – «чувствительный» эпитет). Сюжет названных повестей выстроен по следующей схеме: счастьем влюбленных мешает принадлежность к разным сословиям, что заканчивается трагическим финалом.

Мы остановимся подробнее на именах героинь этих повестей. Вектор исследования имени в русской сентиментальной повести задал В.Н. Топоров, подробно проанализировав

поэтику имени Лиза. Исследователь заметил: «Среди множества излюбленных XVIII веке женских «литературных» имен, бесчисленных Аглай, Алин «...» Юлий имя Лиза одно из очень немногих, которое «...» сумело преодолеть связанную с ним условность и литературную этикетность «...» и присоединиться к именам, которые скоро станут определяющими в русской литературе: Маша, Даша, Наталья, Татьяна и др.» [9, с. 326–327].

Рассмотрим вышеназванные повести В. Измайлова и Г. Каменева. Оба текста вторичны по отношению к карамзинскому, т.к. кроме трагической истории любви и смерти, взятых из Карамзина, их объединяет и общий мотив – гибель от воды (таким образом, связь с первоисточником не вызывает сомнений).

В феврале 1804 года В.В. Измайловым была написана повесть «Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевых гор», напечатанная в журнале «Патриот». Выход в свет этой повести вызвал интерес у читателей, которые обратили внимание, в первую очередь, на ее заглавие. Как и во множестве опубликованных к тому времени художественных произведений, в нем упоминается имя главной героини.

В дореволюционной России личное имя человека зачастую носило яркую социальную характеристику, употреблялось в определенной социальной среде. Установлено по архивным документам, что, например, в XVIII веке крестьянских девочек часто называли Василисами, Феклами, Федосьями, Маврами. Девочка, родившаяся в дворянской семье, такого имени получить не могла: «Зато в дворянских семьях бытовали тогда такие женские имена, которые были неупотребительны или редки у крестьянок: Ольга, Екатерина. Елизавета, Александра. <...> Имя Татьяна жило поначалу преимущественно в дворянской среде. Но уже к концу XVIII – началу XIX века оно стало широко употребительным в крестьянских и купеческих семьях» [3, с. 5]. Ю. М. Лотман в комментарии к «Евгению Онегину» приводит такие данные: «Имя «Татьяна» встречается у крестьянок от 18 до 30 раз на тысячу, а у дворянок лишь 10» [6, с. 197]. Кроме того, он утверждает, что «Имя Татьяна литературной традиции не имело». Очевидно, что героиня Измайлова была одной из первых Татьян в русской литературе.

Локус «Прекрасной Татьяны» почти тождественен локусу «Бедной Лизы»: обе героини живут на Воробьевых горах, на берегу Москвы-реки, этот район был в XVIII веке московским предместьем. Жилище и той и другой героини названо «хижиной». Локус обитания героини в какой-то степени маргинален: с одной стороны, горы, с другой, – река. Особое внимание следует обратить на водную стихию – Москву-реку – которая то соединяет двух влюбленных Татьяну и Филиппа, то делает их жизнь мучительной друг без друга: «...Шум Москвы-реки, который волны некогда ее так веселили, показался ей на сей раз унылым и беспокойным» [4, с. 207].

Обратимся к семантике имени главной героини. Это имя (церк. Татиана) древнегреческого происхождения, от слова «татто» – устанавливать, определять. Имя означает «устроительница, учредительница, повелительница, устанавливающая, поставленная, назначенная» [4, с. 69]. Однако нас интересует главным образом связь Татьяны с ее святой покровительницей, мученицей Татианой, казненной в Риме в 225 г. Подобно ранней христианской святой, Татьяна преданна в любви, добродетельна и тверда характером. Никакие обстоятельства не способны поколебать ее чувства к жениху Филиппу. Подобно святой Татиане, героиня Измайлова готова выдержать любые испытания. Имя выявляет нравственную доминанту персонажа. Следует выделить еще один важный мотив в повести – мотив девственной чистоты героини, характерный для сентиментализма: «Наша совесть чиста, этого довольно» [4]. В тексте повествования часто встречаются эпитеты, позволяющие судить о чистоте и непорочности Татьяны: «Татьяна, невинная в сердце», «непорочная, чистая Татьяна», что также роднит ее со святой покровительницей. Вполне вероятно, что заданная Измайловым традиция во многом определила характеристику последующих Татьян русской литературы: эти героини (начиная с Пушкинской), как правило, преданны, честны и благородны. Вспомним героиню И. Гончарова Татьяну

Марковну Бережкову, Таню Песоцкую из повести А. Чехова «Черный монах», главную героиню пьесы А. Арбузова «Таня» и др.

Героиня Измайлова переживает символическую «смерть от воды», после которой возрождается к новой жизни, к любви и браку. Река Москва является водной преградой между миром Филиппа (Москва) и Татьяны (предместье); именно по реке жених добирался к хижине невесты; на реке Татьяна символически умирает, когда бросается в воду, в надежде в последний раз увидеть жениха, забираемого в рекруты: «В безумстве отчаянной любви она бросилась в реку, надеясь переплыть ее «...» но в нескольких саженях от берега силы ее уже ослабели «...» Сам бог спас несчастную «...» На другой день бедная слегла в постель без памяти и без чувства» [5, с. 217]. Только чудесная помощь Мельтона (рыбака – *И.Н., А.Ф.*) помогает Татьяне остаться в живых. Москва из вполне определенного гидронима (наименования реки) становится мифологической рекой, разделяющей мир живых и мертвых.

Отдельного внимания заслуживают имена мужских персонажей. Именем Семен назван отец Героини, а именем Филипп – ее жених. Примечательно, что эти имена вполне типичные, крестьянские, так именовали персонажей еще с эпохи классицизма. Характерно, что, на наш взгляд, семантика этих имен, как и жития святых с такими именами, не играют решающей роли в раскрытии образов персонажей. Это может быть связано с второстепенностью этих героев в тексте Измайлова. Более необычным представляется имя Мельтон, так назван добродетельный герой, влюбленный в Татьяну, богатый и знатный молодой человек. Самый яркий из всех положительных персонажей он, в конце концов, заглушает в себе нежное чувство и, несмотря на внутренние противоречия, устраивает свадьбу Татьяны и Филиппа.

Имя Мельтон, подобно имени Эраст, звучит как иностранное, возможно, произносится с ударением на последнем слоге (на французский манер), его можно отнести к категории условных, столь любимых сентименталистами (Милов, Русин, Эмиль и др.). Однако вероятен инвариант христианского имени Мелитон, встречающегося, в том числе, и в православных Святцах. Святой Мелитон (один из сорока мучеников севастиийских) подобно св. Татиане остался верен Христу, несмотря на страшные мучения, которые ему пришлось претерпеть. Кроме того, имя в переводе с греческого означает «медовый», а мед в христианской символике – это символ света, благочестия. Такая семантика имени имеет значения для понимания персонажа, который оказывается тверд в убеждениях, преодолевает преступную страсть к чужой невесте.

Авторы-сентименталисты наделяли своих героинь и «экзотическими» именами: Генриетта, Инна. На последнем имени остановимся особо.

Повесть «Инна» казанского автора Г.П. Каменева была опубликована в 1804 году в «Периодическом издании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Мир предместья, в котором живет главная героиня Инна, является своего рода женским микрокосмосом, где она – «...согласно мифологическим представлениям... и является носительницей Жизни-Смерти» [2, с. 56].

Текст Г. Каменева также вторичен по отношению к знаменитой повести Карамзина: в нем присутствуют такие сюжетные элементы, как мезальянс, смерть от воды и др. Примечательно, что, подобно предшественникам, Каменев также обозначает локус героини: предместье Казани, место слияния Волги и Казанки, близ монастыря. Героиня обладает нехарактерным именем для осмнадцатого столетия – Инна. В переводе с греческого (по иным источникам – с готского) оно означает «сильная вода», «бурный поток» [1, с. 45]. Это имя долгое время было исключительно мужским, позже приобрело и женский вариант. Портал Православие.ru [8] приводит сведения о том, что святые Инна, Пинна и Римма были учениками апостола Андрея Первозванного, первыми крымскими святыми. Они были замучены язычниками: погибли посреди *ледяного потока* (выделено нами – *О.И., А.Ф.*). Имя приобрело женский вариант благодаря окончанию на [а] и стало относительно популярно лишь в XX веке.

Женское имя в повести Каменева имеет преимущественно водную семантику или близкую к ней, и в этом, на наш взгляд, ключ к пониманию писателем женской природы. В женском мире представлены различные вариации сочетания «водных» сем. Симптоматично, что в начале повести мы встречаемся с «враждебными» образами водной стихии: «Прозрачные источники не призывают к прохладе «...» Густые сизые тучи закрывают лазурь небесную» [5, с. 202].

Можно сказать, что в имени Инна «водное» ядро сосредоточено в семантике онама (об этом см. выше). Именно водный поток (Волга) соединяет сердца двух влюбленных: «Русин каждую ночь под благосклонною завесою мрака в легкой рыбацкой лодке один, с милою Инною в сердце, вверял себя скромным волнам ее» [5, с. 202]. Мифологема реки, согласно фольклорно-мифологическим представлениям, вбирает семантику жизни и смерти. Неслучайно, именно на реке происходит финал любовных отношений Инны и Русина: девушка не дождалась своего возлюбленного, он не приплыл к ней в назначенный час. Последняя встреча героини с любимым происходит также на реке: «Инна, как молнией пораженная, вскакивает с своего места, устремляет глаза на город и видит по воде плывущие шлюпки. На первой из них яркие лучи солнца отражают блеск богатой парчи, гроб покрывающей «...» Сердце Инны вострепело грозным трепетом, прорекло ей, что это гроб Русина» [5, с. 203]. В тексте не сказано, как именно погибает Русин, однако читатель может предположить, что герой погиб на Волге, когда он спешил к возлюбленной, – так в повести реализуется мотив смерти от воды, заданный Карамзиным. Однако от воды погибает не героиня (как у Карамзина), а герой, Инна же не смогла пережить его смерть и покончила с собой.

Водный код в повести тесно связан с растительным. Автор не случайно сравнивает Инну с таким цветком, как роза: «неразборчивое счастье забыло добродетельную Инну, и, подобно душистой розе...» [5]. В повести роза встречается как атрибутивный объект, реализующий мотив разрушенного дома и семейного счастья. Важно отметить, что цветок упомянут автором применительно к главной героине Инне, так как именно женщина хранительница и устроительница семейного очага. Как известно, роза является самым популярным цветочным символом, тесно связанным с женским началом. Цветок ассоциируется с понятиями «чистота», «девственность» Инны. В греческой мифологии, как символ любви и страсти, роза служила эмблемой греческой богини любви Афродиты (римской Венеры), а также символизировала любовь и желание, «дева – роза» называли юных прекрасных девушек, напоминая, что их век красоты и любви недолог. Кроме того, роза является символом тайны и молчания. [10, с. 324] Вот почему (в контексте символического значения цветка) любовные отношения с Русиним Инна старалась скрыть от своей матери: встречи двух влюбленных проходили тайно, под покровом ночи.

Анализ вегетативного (растительного) кода проявляет сущность женского характера в общей концепции повести. Роза, по преданию, считается цветком Флоры и Афродиты. Вегетативная семантика соприкоснулась с акватической (Афродита, вышедшая из пены морской + Флора). Роза и кустарник, который упоминается автором в конце повести, образуют оппозицию культурное / дикое. Молодость, любовь и страсть заканчивают свое существование именно на «обросшем кустарнике». Наоборот, оживление, одухотворение женщины автор мыслит именно в союзе с природой: «Она была прекрасна, как майское утро «...» но когда весна начала рассыпать свои прелести «...» молчаливые звезды были свидетелями сладких восхищений любовников» [6, с. 202]. Заметим, что привнесение признаков оживления души в портрет Инны дается именно в кульминационный момент любовных отношений.

Из всего сказанного следует, что женское имя Инна символизирует жизнь и смерть, начало и конец, включает в себя акватический и вегетативный коды. Имя Инна связывается с ассоциативной цепочкой: Любовь – Поток – Вода – Волга – Венера – Афродита – Женщина. Причем поток – это основа всей ассоциативной цепочки, он представляет собой начало и конец всего живого на земле. Поток является непрерывным движением, он дает жизнь любви

и забирает ее. Семантика имени Инна раскрывает значение имени героини в структуре повести, ее имя становится говорящим.

Итак, изучение особенностей функционирования собственных имен в сентиментальных повестях, видов антропонимов, семантического потенциала имени позволяет с новой стороны увидеть художественный мир писателей XVIII века, выявить отношение автора к героям и скрытый от читателя подтекст. Семантика имени в сентиментальной повести согласуется с культурными установками авторов, ценностными ориентирами времени. Уже в эпоху сентиментализма вымышленное собственное имя приобретает семантику и семиотику, характерную для литературы нового времени (когда имя не полностью определено традицией и реальными прототипами, как в средневековой литературе, а становится частью характеристики персонажа), задается своеобразный «культурный код» имени. В текстах последователей и эпигонов Н. Карамзина мы обнаруживаем, что семантика имени становится частью мотивной структуры текста, перекликается с сюжетом, оказывается значимой при описании мифопоэтики сентименталистской прозы.

Библиографический список

1. Акентьева, Л.М. Имена и именины / Л.М. Акентьева. – Новосибирск : ЦЭРИС, 1994. – 88 с.
2. Волянская, О.П. Женщина в мифах и легендах. Энциклопедический словарь / О.П. Волянская. – Ташкент : Главная редакция энциклопедий, 1992. – 304 с.
3. Горбаневский, М.В. Ономастика в художественной литературе. Филологические этюды / М.В. Горбаневский. – Москва : Изд-во Университет дружбы народов, 1988. – 88 с.
4. Измайлов, В.В. Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевых гор / В.В. Измайлов // Ландшафт моих воображений. – Москва : Современник, 1990. – С. 205–222.
5. Каменев, Г.П. Инна / Г.П. Каменев // Ландшафт моих воображений. – Москва : Современник, 1990. – С. 201–205.
6. Лотман, Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий / Ю.М. Лотман. – Ленинград : Современник, 1983. – 416 с.
7. Маковский, М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов / М.М. Маковский. – Москва : Владос, 1996. – 416 с.
8. Солнцев, Н. Первые русские святые Инна, Пинна, Римма / Н. Солнцев // Православие.ru. – URL: <https://pravoslavie.ru/68026.html> (дата обращения: 14.09.23).
9. Топоров, В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина: опыт прочтения / В.Н. Топоров. – Москва : ОАО «Московские учебники», 2006. – 432 с.
10. Фоли, Д. Энциклопедия знаков и символов / Д. Фоли. – Москва : Вече, 1997. – 506 с.